

**РЕЦЕНЗИИ. ПОЛЕМИКА.
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ**

УДК 801.731 DOI 10.25986/IRI.2022.88.2.014

Д. М. Буланин

ИРЛИ РАН, Санкт-Петербург, Россия. dmitriibulanin@yandex.ru

БИБЛЕЙСКИЙ СВОД 1507 г. – ФЕНОМЕН ПЕРЕХОДНОЙ ЭПОХИ

(Библия Матфея Десятого 1507 года из собрания Библиотеки Российской академии наук / Отв. ред. А. А. Алексеев. СПб.: Издательство Пушкинского Дома. 2020. Т. 1. Факсимильное воспроизведение рукописи. – 1116 с.; Т. 2. Исследования и материалы. – 264 с.)

Библейский сборник Супрасльского монастыря, составленный в 1507 г. бывшим торопчанином Матфеем Десятым, – замечательный памятник восточнославянской письменности. Поводом для предлагаемых размышлений послужило факсимильное издание и сопровождающее его всестороннее исследование сборника. Рукопись 1507 г. является не только выдающимся произведением каллиграфии и книжного искусства. Она важна как определенный этап в истории формирования канона славянской Библии. Объединение библейских книг в составе одного кодекса указывает на кардинальные изменения в восприятии Священного Писания. Однако в каждом из культурных контекстов процесс кодификации протекал по-разному, в зависимости от исторически сложившихся традиций, что и обнаруживается при сравнении сборника 1507 г. с Геннадиевской Библией 1499 г.

Ключевые слова: Библия, канон, каллиграфия, почерк, книжность, сакральный, кодификация

Исследование подготовлено при поддержке РНФ (проект № 21-18-00527 «Литература “переходных эпох” как инструмент модернизации социальных связей») в ИРЛИ РАН.

Библейские штудии в России достигли больших успехов после выхода их из катакомбного состояния тридцать лет назад. Особенный прогресс заметен в освоении малоизвестных источников. Обращение к ним открывает иногда целые пласты в истории восприятия и распространения Священного Писания, не затрагивавшиеся прежде наукой. Подобным источником является Библейский свод 1507 г., иначе Библия Матфея Десятого, – памятник, помимо своих индивидуальных достоинств, замечательный как определенный этап в формировании канона славянской Библии. По мнению А. А. Алексеева, рукопись является «отражением переходной эпохи от рукописной книжности к печатной» (Т. 2. С. 72). Это бесспорное утверждение служит поводом, чтобы соотнести предприятие Матфея Десятого с родственными ему по содержанию книжными памятниками, которые тоже являются порождениями эпохи, оказавшейся для культуры восточных славян транзитивной в самых разных аспектах. Но первым делом надлежит представить читателю двухтомное издание рукописи Матфея и оценить работу коллектива, подготовившего это издание.

Кем же он был, составитель одного из первых опытов по объединению книг славянской Библии, создатель подлинного книжного шедевра? Читатель узнаёт об этом из обширной писцовой записи на л. 476 об.–477 об. («О написавшем книги сия»), которую кто-то назвал даже автобиографией и к которой даны в издании Свода подробные комментарии (Т. 2. С. 10–24). Матфей рассказывает в записи, что происходит он из Торопца, а прозвищем своим обязан тому, что родился десятым в семье, всего же их было десять сыновей и три дочери. Назвав имена своих родителей, братьев и сестер, Матфей сообщает, что родители постриглись в конце жизни в торопецких монастырях и вскоре умерли. Все их дети, за исключением автора записи, тоже приняли «агельский образ», здесь же говорится о местах послушания некоторых из них. Сам Матфей остался в миру «болярю служить». Он называет по имени одного из них – «вельможу» Федора, бывшего писарем в Великом княжестве Литовском. Попытки отождествить этого Федора с реальными историческими лицами не привели к надежным результатам. Ясно все же, что подвизавшийся в Вильне «писарь», именуемый одновременно «вельможей», должен был занимать высокую служебную позицию, а это косвенным образом определяет социальное положение его подчиненного. Федор благосклонно отнесся к намерению Матфея Десятого найти богоугодное применение своему мастерству книжника – изготовить рукопись, которую он мог бы впоследствии вложить куда-то на помин души. Благодаря такой снисходительности начальства, книжнику, исполнявшему свой обет, условия работы в канцелярии были облегчены, у него появилась возможность «обрести от службы в покая». Тут же, с присущей ему основательностью, автор колофона указывает, что работу над рукописью он начал в Вильне в 1502 г., а закончил в Супрасльском монастыре в 1507 г. Матфей распоряжается отдать кодекс в церковь там, где ему суждено умереть, завещая при этом, чтобы в церкви поминали души его самого, его родителей, братьев и сестер, которые все еще раз поименно перечисляются. Переписчик призывает на Божий Суд тех, кто изымет книгу из церкви, где она будет находиться, и церковнослужителей, которые не станут молиться за вкладчика и его род. В заключение колофона Матфей указывает свое имя и «порекло», используя три разных вида тайнописи. Принято думать, что, покончив с работой над кодексом в Супрасльском монастыре, составитель уже не покидал стены обители. Но не все так просто. На момент завершения Библии Матфей не был пострижен и не спешил расстаться с жизнью, почему в записи и не закрепил однозначно книгу за Супрасльским монастырем. Можно думать, что книжник оставил там свой труд на хранение и рукопись еще довольно долго не поступала в общую монастырскую библиотеку. Тогда понятно будет, почему свод фигурирует в монастырских документах под необычными заглавиями, как если бы нарекавшие его этими заглавиями не держали кодекса в руках, – «книга Десятого» (опись 1557 г.), «Десятоглав» (Синодик). Понятно будет и то, почему, вопреки надеждам каллиграфа, упокоившегося в местных Печерах, его род так и не попал на страницы старшего Супрасльского Синодика. Копиист этого Синодика в 1631 г. недоумевал, по какой причине «не было старане о воспоминании рода сего». Главное же – получит объяснение тот факт, что труд виленского канцеляриста не оказал влияния ни на местных каллиграфов, ни на ведшиеся в XVI в. в Литовском княжестве библейские разработки¹.

Матфей Десятый не зря корпел пять лет над своим манускриптом – его труд можно признать одной из роскошнейших книг эпохи. Факсимиле говорит само за себя, но это же подтверждают факты, представленные издателями в подробном описании Свода как памятника книжной культуры и как свидетеля современных ему познаний в Библии. Скучные сведения о составителе Свода кое в чем обогащаются за счет наблюдений над внешними параметрами

¹ Такому заключению не противоречит и предположение С. Ю. Темчина, что Матфей инициировал составление западнорусского «Измарагда» [Темчин].

кодекса, который состоит из двух неравных частей — библейской, завершающейся рассмотренной записью, и богослужебной, содержащей избранные службы на праздники (Л. 478–550 об.). Со времени открытия рукописи считалось, что заключительная ее часть, за вычетом нескольких листов в конце, наряду с несколькими листами в первой части, переписана помощником Матфея. А. Е. Жуков, автор соответствующего раздела в исследовательском томе (Т. 2. С. 63–70), опровергает традиционное мнение, утверждая, что всю рукопись переписал составитель, лишь варьируя свой почерк. Хотя суждения о тождестве/различии почерков трудно отстаивать или дезавуировать из-за их субъективности, в отношении Свода точка зрения новейшего исследователя представляется предпочтительной. Она согласуется с общим впечатлением, какое производит рукопись как сугубо «авторское изделие». Любовное отношение Матфея к своему детищу явствует также из того, что для рукописи взята бумага высокого качества. Убедительной кажется догадка, что какую-то роль в обеспечении протезируемого им чиновника «расходным материалом» сыграл все тот же «писарь» Федор (Т. 2. С. 65). Матфей Десятый был не только каллиграфом-виртуозом, владевшим многими стилистическими манерами письма, он умело пользовался цветом, маркируя с его помощью разные по своей функции отрезки текста (см. в Евангелиях: киноварь — для разметки, заголовков и буквиц, золото — для слов Спасителя, синий — для вводных фраз). Ф. В. Панченко отметила, что находящийся в Своде Апостол размечен в маргиналиях знаками знаменной нотации. Отсюда делается вывод, что создатель кодекса был знатоком церковного пения (Т. 2. С. 115–120). Сказанным не исчерпываются таланты бывшего торопчанина. Как продемонстрировала исследовательница (Т. 2. С. 121–187), он создал под одним переплетом грандиозную по своему разнообразию коллекцию декоративных элементов — заставок, инициалов, картушей, выполненных в разном стиле, но больше всего в предпочитаемом книжником неовизантийском. Аналоги, подобранные к орнаментике Свода, особенно же к изобразительным мотивам, использованным в инициалах, позволяют прийти к выводу, что создатель этого многообразия обращался, среди прочего, к латинским книгам. Не пренебрегал он и наборами образцов, какие были в обиходе у европейских книголюбов и какие, скорее всего, имелись в администрации Вильны, куда художник имел доступ. Все оформление рукописи, включая единственную находящуюся в ней миниатюру, выполнено единолично Матфеем Десятым — таков главный вывод, который следует из анализа его кодекса. Описание книги как материального объекта завершается альбомом филиграней и каталогом орнаментики.

Для историка Библии важнее всего, разумеется, содержание Свода 1507 г., который включает следующие разделы Священного Писания, некоторые из них с сопроводительными статьями: Бытие в виде единственной паремии, Толковые пророки, Иов в паремийной редакции, Притчи, Премудрость, извлеченная из Паремийника, 3-я книга Царств в виде трех паремий, Екклесиаст, Песнь Песней, Менандр (моностихи, включавшиеся в библейский канон), Иисус Сирахов, Псалтирь, Четвероевангелие, Апокалипсис, Деяния и послания апостолов. В конце тома помещены статьи уставного содержания и упоминавшиеся уже службы. Как явствует из комментария А. А. Алексева к перечисленным библейским книгам, у каждой из них была своя предыстория, насколько их предысторию удалось воссоздать разысканиями библеистов². Учитывая эти разыскания и индивидуальные признаки рукописи, замечаем, что большинство текстов из Свода 1507 г. восходит к балканским, чаще всего сербским оригиналам первого или какого-то другого из ближайших поколений. Их генезис вписывается в общую картину развития в Литве славянской книжности. У этой книжности имелись свои, независимые от Северо-

² Комментарии нужно читать вместе с материалами сборника, посвященного Библии Матфея Десятого и типологически сходным с ней книгам [Славянская Библия].

Восточной Руси связи с южными славянами и Афоном. Выходцами оттуда были, по преданию, и первые насельники Супрасльского монастыря. Труд Матфея Десятого достоин внимания с разных точек зрения. И все же, место его в многовековой истории славянской Библии определяется преимущественно тем, что это был один из немногочисленных еще опытов кодификации библейских книг, какие предпринимались в славянской книжности. Обычно развитие идеи о полном своде библейских книг представляют как серию книжных уникамов, не имевших полноценного продолжения в рукописной традиции: Южнославянская Библия XIV в. (ОР РНБ. Основное собрание рукописной книги. F.I.461), Новый Завет митрополита Алексея, Библейский сборник Ивана Черного (ОР РГБ. Ф. 310. Собрание В. М. Ундольского. № 1), Геннадиевская Библия, Библия Матфея Десятого [Алексеев, 1999, с. 199]. На самом деле, перечисленные уникамы, включая занимающий нас Свод, сходны лишь по формальным признакам, это продукты разных процессов и разной культурной среды.

А. А. Алексеев решительно подчеркнул, что Древняя Русь не знала Библии, хотя и жила «в библейском мире» (Т. 2. С. 27). Не существовавшее в виде отдельного тома, Священное Писание по частям активно использовалось и в церкви, и вне церкви. Для литургических нужд были перекомпонованы (Апракос, Паремийник) или специально размечены многие библейские книги, на библейских реминисценциях строились все гимнографические жанры. В качестве материала для душеполезного чтения библейские книги могли переписывать и в первоизданном виде, и в сопровождении толкований, и в вопросо-ответной форме, могли и вкраплять их в собственно славянские композиции. Ветхозаветная история раскрывала провиденциальное начало в судьбах человечества, а потому в переводах и пересказах включалась в хронографические компиляции. Весь этот конгломерат жанров не был русским изобретением, сходные тексты обращались и в восточной, и в западной половинах христианского мира. Важно, кроме того, что там, как позднее на Руси, довольно долго совокупность библейских писаний воспринималась не в виде единого свода, а в виде апробированного множества самостоятельных книг (ср. *sacra bibliotheca* Кассиодора). И все же различия в понимании Писания как конфессионального фактора между Русью, только что обращенной в христианство, с одной стороны, и византийской и латинской церквями, с другой стороны, – эти различия были огромными. Там Библия поднялась в иерархии книг на недостижимую высоту, противостоя по авторитету всем прочим книгам. Тут дело обстоит иначе. Своеобразие русского культурного опыта заключалось в том, что знакомство с созданной Кириллом Философом письменностью оказалось здесь совмещено в одном акте с Крещением Владимира. Благодаря этому все написанные по-славянски книги, безотносительно к их содержанию, заняли первые номера в системе религиозных ценностей. Неотделимостью книжной культуры от вероучения объясняется отсутствие в Древней Руси на протяжении почти всей средневековой эпохи письменного делопроизводства, основные формы которого греческий Восток и латинский Запад унаследовали от Римской империи. Сакрализация книги как таковой сняла бинарную оппозицию между памятниками письменности вообще и Библией, лишив эту последнюю ее эксклюзивного статуса и одновременно создав предпосылки для своеобразного культа книги как предмета. Такой культ, заметим в скобках, как и отождествление писательского труда со священнодействием, наложил неизгладимый отпечаток на дальнейшую судьбу русской культуры. Все это, добавим еще, резервирует за русским православием особое место в ряду так называемых «религий книги» (ср.: [Smith]). Если же вернуться к Средневековью, мы вправе задать вопрос, мог ли русский книжник, по доступным ему источникам, восстановить библейский канон («индексы», как известно, никогда не отражали актуального репертуара)? Или, более категорично: могло ли у него вообще возникнуть побуждение восстанавливать этот канон?

Вооружившись сделанными выводами, подойдем к перечисленным выше опытам кодификации Библии дифференцированно. Оставим в стороне Южнославянскую Библию и Новый Завет митрополита Алексея как памятники византийско-славянского сотрудничества, созданные в двуязычной среде – в Тырново и Константинополе, а также по необходимости оставим сборник Ивана Черного, к сожалению, недостаточно изученный библеистами. Возьмем Геннадиевскую Библию, датированную в колофоне 1499 г., и Свод Матфея Десятого, начатый в 1502 г. Эти кодексы, созданные почти одновременно и часто сопоставляемые, оказываются поразительно непохожими друг на друга в перспективе последующей истории Библии, какой она сложилась в рамках культурных традиций, выросших на общих корнях, но далеко разошедшихся в своем развитии. Литовская Русь, где служил и где исполнял свой обет составитель Свода 1507 г., многое успела перенять из католической Польши, а через нее – из Европы, ценившей и распространявшей, особенно после «революции Гутенберга», полный библейский корпус в раз и навсегда утвержденном составе. На первый взгляд, веяния с той стороны мало затронули труд Матфея Десятого, которому были недоступны открытия латинских теологов. Пользуясь ограниченным кругом источников, он самостоятельно собирал Премудрость Соломона из паремийных чтений, а исторические книги Библии и вовсе не смог раздобыть. Об ориентации писателя на потребности монастыря говорят произведенная им в некоторых частях кодекса разбивка текста на перикопы и другие литургические пометы. Знаменательно, вместе с тем, что идея полного библейского канона стихийно зародилась именно в Литве, где раньше, чем у восточных соседей, деловая письменность прочно вошла в обиход. В то время как на Руси книжные труды оставались в ведении духовенства, Свод 1507 г. составил канцелярский служащий, при этом занимавшийся каллиграфией как человек партикулярный. Сама идея Библии как микрокосма – типично западная. Как знаковое событие, предтеча полной западнорусской Библии, Свод опознается в перспективе начавшегося столетия: за Библией Матфея Десятого последовала «Библия руска» Скорины, а завершился этот ряд Острожской Библией [Naumow].

Уже в основополагающей статье 1978 г. констатировалось, что Свод 1507 г. не зависит от Библии 1499 г. [Алексеев, Лихачева]. Если оценивать Геннадиевскую Библию в изоляции от контекста, нужно будет признать, что она несоизмеримо точнее, нежели творение Матфея, воспроизводит концепцию Священного Писания, какая сложилась к тому времени в латинской церкви. В сущности, это и есть структурная копия западной Библии, с тем единственным отличием, что для наполнения заимствованной структуры использовались, по мере возможности, тексты, имевшиеся уже в багаже славянской литературы. Недостающее было восполнено по латинской Вульгате, к латинским источникам восходят и вспомогательные статьи, и маргиналии. Предисловие и оглавление перевели с немецкой Библии, предполагают, что составители Свода 1499 г. использовали также чешскую Библию. Однако же внешнее впечатление о вестернизации русских представлений о Библии, какое может сложиться на основании кодекса 1499 г., обманчиво. Нельзя не учитывать, что Геннадиевский свод возник на пустом месте и что само его рождение было обусловлено требованиями конкретного момента – стремлением новгородского архиепископа мобилизовать русскую книжность для противостояния еретикам (неважно – подлинным или мнимым), которые обвинялись в извращении Писания. Той же целью объясняется рассылка нескольких копий новопереведенных с латинского библейских книг по крупнейшим монастырям. Когда антиеретическая кампания закончилась, о своде 1499 г. благополучно забыли. Симптоматично, что вспомнили о нем не в Москве и не в Новгороде, а в той же Литовской Руси, где труд геннадиевских книжников лег в основу Острожской Библии. «Библейский мир» Московской Руси остался таким же, каким он был

до кодекса 1499 г., то есть без того свода, в каком католическая и особенно протестантская церкви видели парадигму христианской книги и неиссякаемый источник религиозного опыта. В русском изводе православия книга с полным составом Ветхого и Нового Заветов всегда занимала в круге духовного чтения положение маргинала. Тиражи книги по этому стандарту, какие заказывали и распределяли официальные инстанции, естественно, не отображают интересов читателей (ср.: [Алексеев, 2019, с. 215]). «Библию народ не читает, в народе она почти неизвестна», – грустно заметил И. Е. Евсеев [Евсеев, с. 2].

Возвращаясь к вопросу о переходной эпохе, отметим, что Библии 1499 и 1507 гг. – обе являются феноменами переходной эпохи, но отражают разные ее грани. На Геннадиевскую Библию, не оставившую в «библейском мире» Древней Руси собственного потомства, была изначально возложена иная функция. Мыслившаяся как средство духовной обороны от еретиков, она стала одним из первых сигналов о начавшихся идеологических работах, которые должны были обосновать переход Московского княжества в Московское царство. Еретики, как воздух, требовались идеологам, ибо триумф над ними должен был стать одним из первых деяний, повышавших избранного Богом государя в его достоинстве – делавших его царем. Рукопись Матфея Десятого, созданная в Литовской Руси и отразившая культурный запрос западнорусского общества на полный библейский кодекс, отвечала другим тенденциям переходной эпохи. Хотя по многим параметрам труд Матфея Десятого соответствует традициям монастырского книгописания, он во всех отношениях – от состава до оформления – несет на себе отпечаток неповторимой индивидуальности создателя. Тем самым памятник отсылает к идеалам постсредневековой эпохи с ее реабилитацией человеческой личности. По выражению А. А. Алексеева, «Библия Матфея Десятого – это первый у восточных славян плод европейского гуманизма» (Т. 2. С. 191).

Литература

- Алексеев А. А. Текстология славянской Библии. СПб., 1999. 256 с.
- Алексеев А. А. Чтение Библии в Древней Руси // Актуальные вопросы церковной науки. 2019. № 2. С. 209–217.
- Алексеев А. А., Лихачева О. П. Супрасльский сборник 1507 г. // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР. Л., 1978. С. 54–88.
- Евсеев И. Е. Собор и Библия. Пг., 1917. 16 с.
- Славянская Библия в эпоху раннего книгопечатания: К 510-летию создания библейского сборника Матфея Десятого. СПб., 2017. 400 с.
- Темчин С. Роль Матвея Десятого в православной культуре Великого Княжества Литовского // *Latopisy Akademii Supraskiej*. Białystok, 2010. Vol. 1. P. 27–35.
- Найттов А. Biblia w kulturze Rusi polsko-litewskiej w XVI wieku // *Slavia Meridionalis*. 2016. Vol. 16. S. 32–51.
- Smith W. What is Scripture? A Comparative Approach. Minneapolis, 1993. 382 p.

References

- Alekseev, A. A. *Tekstologiya slavyanskoi Biblii* [Text History of the Russian Bible]. Saint Petersburg, 1999. 256 p.
- Alekseev, A. A. *Chтение Biblii v Drevnei Rusi* [The Reading of the Bible in Old Rus]. In *Aktual'nye voprosy tserkovnoi nauki*. 2019. No. 2. Pp. 209–217.
- Alekseev, A. A., Likhacheva O. P. *Suprasl'skij sbornik 1507 g.* [Suprasl' Miscellany of 1507]. In *Materialy i soobshcheniya po fondam Otdela rukopisnoi i redkoi knigi Biblioteki Akademii nauk SSSR*. Leningrad, 1978. Pp. 54–88.
- Evseev, I. E. *Sobor i Bibliya* [The Council and the Bible]. Petrograd, 1917. 16 p.

Naumow, A. Biblia w kulturze Rusi polsko-litewskiej w XVI wieku [The Bible in Polish and Lithuanian Part of Russia in the 16th Century]. In *Slavia Meridionalis*. 2016. Vol. 16. S. 32–51.

Slavyanskaya Bibliya v epokhu rannego knigopechataniya: K 510-letiyu sozdaniya bibleiskogo sbornika Matfeya Desyatogo [The Slavic Bible in the Early Book Printing Epoch: On the Occasion of 510th Anniversary of the Matthew the Tenth' Miscellany]. Saint Petersburg, 2017. 400 p.

Smith, W. What is Scripture? A Comparative Approach. Minneapolis, 1993. 382 p.

Temchin, S. Rol' Matveya Desyatogo v pravoslavnoi kul'ture Velikogo Knyazhestva Litovskogo [The Role of Matthew the Tenth in the Orthodox Culture of Grand Duchy of Lithuania]. In *Latopisy Akademii Supraskiej*. Białystok, 2010. Vol. 1. Pp. 27–35.

Dmitrii M. Bulanin

Institute of Russian Literature (the Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences,

Saint Petersburg, Russia

BIBLE COLLECTION OF 1507 AS A PHENOMENON OF THE TRANSITIONAL AGE

An important monument of East Slavic writing, that is the collection of Bible texts coming from the Suprasl Monastery is discussed in the article. The collection was compiled in 1507 by Matthew the Tenth, who was an employee in Lithuania born in Toropets. The reflections about this Bible have been stimulated by recent facsimile edition of the collection that includes a comprehensive study of the codex. The 1507 manuscript is not only an outstanding work of calligraphy and book art. It is important as a certain stage in the history of formation of the Slavic Bible canon. The unification of Bible books in a separate codex indicates a fundamental change in the perception of the Holy Scriptures in general. However, in each of the cultural contexts, the process of codification proceeded in different ways, depending on the historically established traditions. The differences are revealed if we compare the collection of 1507 with the Gennady Bible of 1499.

Keywords: Bible, a canon, calligraphy, handwriting, book corpus, sacral, codification

